

Охранника отбросило ударом в пустоту, а Нань Юй, подобно молнии, мгновенно оказался рядом с ним.

— Ты, жить надоело? — прохрипела голова на левом плече, лицо её исказилось в свирепой гримасе, а голос был полон ярости.

— Я? Это я-то? Да я тебя сейчас искромсаю!

Взгляд Нань Юя оставался ледяным. Сжимая в руке невидимый клинок, он раз за разом яростно наносил удары по гниющей голове на левом плече. Алая кровь брызнула во все стороны, окропляя холодное лицо Нань Юя и его белоснежные волосы, словно распускающиеся цветы. Зрелище было пугающе прекрасным.

Под градом сокрушительных ударов Нань Юя дыхание монстра слабело, пока тот окончательно не испустил дух. Нань Юй, не колеблясь, вцепился в голову и с силой оторвал её от плеча. Затем он подбросил её высоко в воздух и, размахнувшись, нанёс мощный удар правой ногой. Голова, словно футбольный мяч, описала дугу в небе и исчезла вдали.

— Ты... ты не подходи! — Голова на правом плече в ужасе смотрела на него. Столько лет она была призраком, но впервые по-настоящему испугалась человека.

— Меньше слов. Тебе тоже пора в полёт любви.

На глазах у перепуганной головы, в шоке от зрителей трансляции и при ошеломлённом молчании Шангуань Цинье, вторая голова разделила участь первой, отправившись в далёкое путешествие.

— Чёрт, какая же жена грозная, я в восторге!

— Спасите! Да я бы руки ему целовал, если бы он меня так избил!

— Какое облегчение! Так и надо с этими тварями. Сколько людей они погубили? Сдирать с них кожу и вытягивать жилы — я поддерживаю Нань Юя!

Экран заполнили сообщения, словно хлопья снега. Тех, кто сомневался в Нань Юе, больше не было видно.

В конференц-зале лицо женщины-врача, которая совсем недавно называла Нань Юя пустышкой, залилось краской. Она выглядела растерянной, но всё же неловко улыбнулась:

— Ха-ха, кто это сказал, что он пустышка? Не помню такого.

...

Шангуань Цинье, оправившись от минутного ступора, вернулся в прежнее состояние. В конце концов, он уже не раз видел Нань Юя в деле.

— Пойдём. Теперь нужно заглянуть в женское общежитие и поискать фотографии.

Они шли по коридору корпуса Чунвэнь. На полпути им попался стенд с детскими стенгазетами, посвящёнными традиционным праздникам и правилам пожарной безопасности. Рисунки были выполнены мастерски, яркие краски гармонировали с аккуратным почерком, хотя время уже успело оставить на бумаге желтоватый налёт.

Под этими красивыми работами была прижата стенгазета, разорванная пополам и кое-как склеенная скотчем. Друзья осторожно убрали верхние листы. По мере того как бумага открывалась, перед ними предстала тайна, скрытая долгие годы.

Эта стенгазета разительно отличалась от остальных. Она была ветхой, грязной, жестокой и залитой кровью. Но при этом — пугающе правдивой. Настолько правдивой, что, казалось, можно было услышать крики и рыдания изображённых на ней людей.

На бумаге кроваво-красными буквами было выведено: Остановите школьную травлю.

Эти шесть слов выглядели так, будто их написали самой кровью — яркие и режущие глаз. Автор стенгазеты обладал несомненным талантом: композиция строилась на красных тонах и изображении реалистичной цепи, сковывающей руки человека. В пустых местах между звеньями изящным почерком были написаны советы о том, как предотвратить буллинг.

В правом нижнем углу стояло имя: Ли Синьсинь. Под ним виднелось ещё одно имя, возможно, работу делали вдвоём, но его старательно замазали красной краской, оставив лишь размытое пятно.

Газету явно рвали намеренно, на бумаге остались следы от того, как её сминал чей-то кулак. Поверхность была испещрена серыми следами от обуви, а на обороте разными почерками были выведены гнусные проклятия и оскорбления. И всё же владелица бережно склеила её скотчем, словно пытаясь сохранить частицу веры, не давая этой летописи боли и борьбы окончательно рассыпаться.

— Чёрт, выходит, Ли Синьсинь, которая это рисовала, сама была жертвой травли?

— Да эти садисты просто звери! У них что, души нет? — не сдержался Шангуань Цинье.

Нань Юй внимательно вчитывался в надписи на обороте:

Ты нищенка, куда тебе лезть в балет?

Нет королевской крови — не смей танцевать как принцесса!

Гадкий утёнок возомнил себя лебедем, размечталась, дрянь.

Движения у неё такие распутные, разве это балет? Наверняка только ради того, чтобы соблазнять нас, и пошла заниматься.

Потоки грязных оскорблений были выставлены на всеобщее обозрение. Чат трансляции взорвался спорами. Кто-то встал на защиту:

— Смешно даже. Кто сказал, что бедность — повод отказываться от любимого хобби?

— Мужики, может, хватит пошлить, глядя на красивую девушку?

— Наличие мужского достоинства даёт право творить что хочешь?

Мужская часть аудитории парировала:

— С чего вы взяли? Женщины, вы сами-то не слишком грубо выражаетесь? Не мы же травили Ли Синьсинь. Не надо раздувать конфликт полов.

— Разве уважение к женщине — не обязанность каждого мужчины? Мы все рождены женщинами, а вы ещё и огрызаетесь!

— С каких пор уважение к женщине стало чем-то из ряда вон выходящим? Мужчина должен быть уважительным по определению, это аксиома, понятно?

— Хватит ругаться! Мы великая страна, давайте не будем устраивать эту грызню между мужчинами и женщинами!

Кто-то из девушек язвительно добавил:

— Значит, если я мужчина, то все женщины мира должны мне прислуживать? Только потому, что у меня есть член?

В чате бушевали страсти. За трансляцией следили руководители всех уровней, включая начальника Управления общественной безопасности государства Лун и главу Департамента образования. У Шибо, глава Департамента образования, нахмурился, глядя на экран. Он быстро взял телефон и твёрдо произнёс:

— С завтрашнего дня я лично возглавляю группу по проверке и борьбе со школьной травлей. Мы проедем по сельским районам, чтобы искоренить это зло.

Буллинг не только калечит души детей, он подрывает гармонию и стабильность всего общества.

Нань Юй осторожно сложил стенгазету и убрал её в карман брюк. Он усмехнулся, и в этой улыбке сквозила ледяная решимость.

— Насильники должны испытать ту же боль, что и я — только тогда это будет похоже на извинение. Пошли, найдём фотографии в общежитии.

Шангуань Цинье, всё ещё что-то ворча себе под нос, последовал за ним. Они миновали коридор корпуса Чунвэнь и направились к трёхэтажному зданию общежития.

<http://bllate.org/book/21794/2254702>